

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-15-3-86>

УДК 82.0 (092)

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА

А.А. Мансков (Барнаул, Россия)

Аннотация

Хронологически творчество С.Д. Кржижановского приходится на время расцвета русского модернизма. Значительное влияние на формирование художественных взглядов писателя оказало культурно-эстетическое наследие Серебряного века. Кржижановский во многом является продолжателем традиций поэтов-символистов. От них он заимствует идею мифотворчества. В своих произведениях автор «Сказок для вундеркиндов» переосмысливает традиционные мифологические сюжеты и образы. В качестве интертекстуальных претекстов можно обозначить древнегреческие мифы, Библию, сказки «Тысяча и одной ночи» и другие литературные источники. Используя их, он создает собственную индивидуальную мифологию. Уже более двадцати лет главным научным трудом, связанным с изучением прозы Кржижановского, остается работа В. Топорова «“Минус”-пространство Сигизмунда Кржижановского». В статье дается объяснение возникновению «минус»-пространства в художественном мире писателя. Этот вопрос всегда оставался за рамками научных исследований как в российском, так и в зарубежном литературоведении. Обращение к нему определяется необходимостью выхода на новый концептуальный уровень исследований, подразумевающий наличие других научных ракурсов и направлений.

Ключевые слова: модернизм, Серебряный век, миф, мифология, особенность, человек, персонаж, смерть, бог, «минус»-пространство.

Сигизмунд Доминикович Кржижановский (1887–1950) – интеллектуал и эрудит; «русский писатель польского происхождения», на протяжении всей жизни писавший в стол и мечтавший о литературном признании¹. Его художественное наследие представляет собой образец интеллектуальной прозы. Новеллы и повести Кржижановского требуют от читателя терпения, наличия высокой эрудиции и осознанной интеллектуальной работы. Они проникнуты многочисленными интертекстуальными аллюзиями и реминисценциями, отличаются высокой степенью метафоричности и нестандартностью образов. Наряду с этим произведения писателя характеризуются глубиной содержания и философско-религиозной проблематикой.

¹ Открыватель и хранитель художественного наследия Кржижановского В.Г. Перельмутер в комментариях к шестому тому собрания сочинений пишет следующее: «Случай Кржижановского и в этом ракурсе необычаен: интерес к нему возник вдруг, сразу по выходе первой, увы, посмертной книги, когда десятилетиями томившиеся в архиве бумаги писателя уже как бы слежались, срослись в единое целое – и так же целиком оказались востребованными» [Кржижановский, 2013, с. 532]. Речь идет о книге «Воспоминание о будущем. Избранное из неизданного», вышедшей благодаря усилиям Перельмутера в 1989 году. С нее и началось возвращение Кржижановского в русскую литературу.

За три десятилетия исследований первый – описательный – этап изучения творчества Кржижановского подошел к завершению. Имя автора «Сказок для вундеркиндов» и «Возвращения Мюнхгаузена» включено в контекст русской и зарубежной литературы, заполнены (насколько позволяют архивные данные) биографические лакуны, описаны основные категории художественного мира и реконструированы эстетические и философские взгляды, определяющие специфику произведений. Теперь необходим переход на новый концептуальный уровень исследования.

Актуальность статьи определяется не только необходимостью поиска новых подходов к художественному наследию С.Д. Кржижановского (с точки зрения неомифологизма), но и выявлением глубинных причин и связей, объясняющих своеобразие его прозы. Уже более двадцати лет ученые, исследующие творчество «прозванного гения», ссылаются на работу В.Н. Топорова² «„Минус“-пространство С.Д. Кржижановского», но никто из них не задавался вопросом, откуда в художественном мире, в котором одновременно существуют Москва 1930-х годов и апокалипсический мир будущего, возникает это губительное для персонажей «минус»-пространство? В статье дается ответ на этот сложный вопрос.

Целью статьи является изучение мифологического видения Кржижановского в контексте русского модернизма. Такой выбор контекста объясняется совокупностью причин: от времени написания произведений писателя до типологических черт, выявляемых в них. Исследовательский интерес связан с тем, что является предпосылками обращения Кржижановского к мифу. И как мифологическое видение преломляется в его текстах.

Методологическую основу составили работы представителей отечественного и зарубежного литературоведения: тартуско-московской семиотической школы (Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Б.М. Гаспарова, Т.В. Цивьян). В связи с исследованием мифологизма Кржижановского нами использовались труды ученых, занимавшихся различными аспектами мифомышления XX века (К.Г. Юнга, М. Элиаде, Д.Д. Фрэзера, А.Ф. Лосева, О.М. Фрейденберг, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова, Г.П. Козубовской). Значимую роль сыграли и работы теоретиков интертекстуального подхода (М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, И.П. Смирнова).

Методы исследования: структурно-семиотический, мифопоэтический, историко-типологический, интертекстуальный.

² В.Г. Перльмутер в статье «Топоров В.Н. в диалоге с С.Д. Кржижановским» на страницах журнала «Toronto Slavic Quarterly» рассказывает об отношении ученого к личности исследуемого им писателя. «В другом разговоре Владимир Николаевич признался, что считает „открытие Кржижановского“ самым значительным – для себя – открытие за последних лет двадцать и что для него это – *не только писатель*. И добавил: „Я теперь, когда бываю на Арбате, непременно захожу во двор дома, где жил Сигизмунд Доминикович, просто так, несколько минут постоять”» [Руднев, 2017].

Как писатель Кржижановский сформировался в рамках модернистской парадигмы³. Модернизм в России приходится на эпоху Серебряного века, а также на 1920–1930-е годы XX столетия.

Кржижановский был современником В. Брюсова, А. Белого, А. Блока и других поэтов, определивших основные магистрали русского символизма. Для автора «Сказок для вундеркиндов» эти поэты стали ориентирами в литературе, а многие принадлежащие им произведения – предметами литературной полемики. Исследователи творчества Кржижановского отмечают связь его произведений с символистской эстетикой. Е. Воробьева очень точно определила особенность этого вопроса:

«Кржижановский, продолжая оставаться внутри символистской парадигмы, создает свои произведения как некоторую „умышленную“ художественную конструкцию, которая воспроизводит символистскую модель текста, но относится к ней, как негатив к позитивному снимку. Это „минус-символизм“. Именно уникальность такого варианта постсимволистской рефлексии определяет место Кржижановского в истории русской литературы XX века» [Воробьева, 2001, с. 10].

Иоанна Делекторская, в свою очередь, отмечает, что *«философия культуры Кржижановского берет начало от философских построений русских символистов»* [Делекторская, 2000, с. 3].

Символизм предвосхитил пути развития русской модернистской прозы и стал основой последующего творчества Кржижановского.

В 1920–1930-е годы русский модернизм, в отличие от западного, не мог полноценно развиваться, являясь идеологически запрещенным. Если на Западе были модернистские школы, а также целые направления внутри данной парадигмы, то русские писатели не имели возможности для этого. Обозначенная особенность русского модернизма определяет специфику творчества Кржижановского. С одной стороны, в его произведениях выкристаллизовываются основные черты, характерные для западноевропейского модернизма (мифологизм, интертекстуальность, феномен игры и др.), с другой – они не укладываются в одни отдельно взятые рамки.

Определяющей чертой модернизма как художественного направления является установка на интеллектуальное начало. По генезису он представляет собой

³ На сегодняшний день тезис о возможности исследования творчества Кржижановского в контексте русского модернизма не вызывает никакого сомнения. Типологические черты, характерные для модернистской парадигмы, неотделимы от художественного дискурса автора «Сказок для вундеркиндов». Подтверждение этому – диссертационные исследования Е.И. Воробьевой, И.В. Луниной, Е.В. Ливской, Е.В. Моисеевой и других ученых. Об этом пишут и западные исследователи. Так, немецкий литературовед Феликс Филипп Ингольд ставит имя «прозванного гения» в один ряд с именами русских писателей-модернистов (Булгакова, Пильняка, Леонова). «Erst mit der politischen Wende von 1989/1991 und der nachfolgenden Lockerung der staatlichen Zensur wurde das umfangreiche Werk des Schriftstellers Sigismund Krzyzanowski (1857 bis 1957) – auszusprechen „wie Kschischanowski“ – zu einem fassbaren Faktum der literarischen Moderne Russlands. Heute gilt der Autor, der in der einstigen UdSSR aus ideologischen Gründen während Jahrzehnten mit einem mit Publikationsverbot belegt war, als einer ihrer herausragenden Repräsentanten, vergleichbar mit den größten seiner Zeitgenossen – mit Bulgakow, Pilniak, Leinow» [Ingold].

искусство умозрительных форм. Не случайно модернистские образы чаще всего выступают в качестве эквивалента мысли, художественной посылки или сложной философской сентенции, то есть модернизм интеллектуален (философичен) а priori⁴. Для него свойственно рефлектирующее сознание, сконцентрированное на самом себе. По этой причине основным критерием объективности в модернизме становятся субъективность, собственный внутренний мир, самоощущение человека и т.д. Все это находит отражение в персонажах Кржижановского и составляет своеобразие его прозы.

Модернизм оказался близок Кржижановскому в силу особенностей мышления писателя. С юности будущий новеллист интересовался философией и позиционировал себя как мыслителя, ищущего истину и проповедующего любовь к мудрости⁵. Значительное влияние на него оказали работы представителей субъективно-идеалистического направления в философии: И. Канта, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. От них он унаследовал взгляд на сознание как первично данное и отказ от объективных законов в общественных вопросах, связанных с моралью, проблемой выбора и религиозными доктринами. В аспекте веры Кржижановский становится на позиции волюнтаризма. Подтверждение этому – новеллы «Бог умер», «Страна нетов» и другие произведения, в которых автор излагает собственную нетрадиционную позицию по отношению к сакраментальным понятиям. В «Бакской сказке» он предлагает свой вариант происхождения всего сущего, когда первичным оказывается смерть, а в «Клубе убийц букв» являет миру новое Евангелие.

Наряду с этим Кржижановского интересовала популярная в начале XX века оккультная и эзотерическая литература Е. Блаватской, Р. Штейнера и других. Книги этих авторов повлияли на стиль мышления писателя, его аксиологию и мировоззренческие взгляды⁶.

⁴ Вадим Руднев в «Энциклопедическом словаре культуры XX века» отмечает следующее: «Понятие Модернизм тесно связано не только с искусством, но и с наукой и философией. Недаром многие ранние модернисты (особенно русские) были учеными и философами – Валерий Брюсов, Андрей Белый, Вячеслав Иванов» [Руднев, 2017, с. 393].

⁵ Согласно мнению Е.В. Моисеевой, «по складу своего мышления С.Д. Кржижановский был склонен осваивать мир как философ – через призму абстрактных понятий и категорий самого общего свойства» [Моисеева, 2002, с. 10].

⁶ В своей диссертации Е.В. Ливская исследует, как изменялись мировоззренческие взгляды Кржижановского на протяжении всей жизни: «Творчество Сигизмунда Кржижановского характеризуется методологической и проблемно-тематической эволюцией. Если ранние произведения писателя созданы под влиянием эзотерических традиций (что подтверждается сюжетным построением, системой образов ранних новелл), то тематика и проблематика произведений зрелого периода в большей степени опирается на идеи христианства» [Ливская, 2009, с. 7]. Обозначенная тематика рассматривается также в статье Е.В. Ливской «Эзотерическая составляющая ранней прозы С.Д. Кржижановского: текст как часть посвятельного ритуала». «Раннее творчество писателя оказывается под влиянием эзотерических идей (что подтверждается тематикой, проблематикой, сюжетным построением, образной системой его ранних произведений)» [Ливская, 2009].

Таким образом, философия, как и художественное наследие русского символизма, стала тем водоразделом мысли, из которого возникло мифологическое видение Кржижановского. В его художественном мире мифологическое видение имеет различные способы выражения: переживание мифа, мифотворчество, неомифологизм⁷.

Для автора «Сказок для вундеркиндов», как и для многих русских и западноевропейских писателей, живших в первой половине XX столетия, обращение к мифологическим образам и сюжетам было не только связано с особенностями творческой индивидуальности, но и являлось своеобразным способом восприятия реальности. Для них миф был призмой, особым образом преломляющей происходящие события. Реальность, изображаемая в их произведениях, являлась не простым мимесисом (правдоподобной копией), а видоизмененным посредством мифологических кодов художественным образом, обладающим сильным эффектом воздействия на сознание читателя. Характер и формы данного воздействия могли быть различными в зависимости от художественного дарования писателя. Влиявшими на это факторами были личные переживания, степень экспрессии, психологическая окрашенность, экзистенциальный характер, видоизмененные в процессе переживания мифа.

Мифотворчество получило большое выражение в произведениях поэтов-символистов. Кржижановский во многом является наследником и продолжателем этой традиции. В произведениях писателя обнаруживаются многочисленные отсылки к различным, как правило, архаичным мифологиям. Обширный пласт составляют греческие и римские мифы. Подтверждение этому – новеллы «Грайи», «Прикованный Прометеем», «Орфей в Аду», «Три сестры» и др. Используя традиционные мифологемы, Кржижановский по-новому осмысляет их. Он не стремится к полному соответствию или тождеству персонажей мифологическим прототипам. Для него важно не столько соответствие, сколько переосмысление мифа. Объектами художественной рефлексии писателя становятся образы богов Гермеса, Пана, старух грай, охраняющих путь к Олимпу, пространство Стикса и другие. Помещая их в условия нового хронотопа, Кржижановский зачастую играет с мифологическими образами и сюжетами. По характеру игровое мышление представляет собой эксперимент, позволяющий художнику реализовать собственную позицию в условиях тоталитарного обще-

⁷ В этом случае нами используется классификация Г. Козубовской, уже несколько десятилетий изучающей проблему мифологизма в русской литературе.

1. «Переживание мифа», начавшееся со времен Античности (для софистов миф – аллегория, для Платона – философский символ, для Аристотеля – фабула), предполагает изучение, интерпретацию мифологических мотивов и сюжетов в соответствии с особенностями мышления художника, его мировоззрения и мироощущения.
2. Мифотворчество, начавшееся с игры традиционными образами, проявляется в создании образов, ситуаций, обретающих характер архетипических.
3. «Неомифологизм XX в. предполагает целостное освоение мифа и построение мира как миф, как текст, создание мифологической модели мира» [Козубовская, 1995, с. 4].

ства или иной социокультурной парадигмы, изначально не дающей возможности для самовыражения творческой личности. В силу этих причин для игрового мышления Кржижановского в контексте мифотворчества свойственны условность, вариативность, установки на правила игры и т.д. Обозначенная тенденция проявляется на различных уровнях текста. Это могут быть «игра души с пространством», игра со смыслами, связанная с узнаванием читателем какой-либо цитаты или аллюзии, эксперименты в области слова и т.д. Нередко писатель стремится вовлечь оппонента (слушателя, читателя) в интеллектуальную игру⁸. Интеллектуальная игра проявляется посредством системы отсылок и цитат. Не называя первоисточника (это может быть мифологема, философема, аллюзия на литературное произведение), Кржижановский предлагает читателю подсказки для узнавания имплицитного текста⁹.

Наряду с литературным наследием Античности значимым для Кржижановского является библейский текст. Евангельскими мотивами проникнуты многие из его произведений. Примеры этому – миф о Каиновом братоубийстве в «Стране нетов» «Евангелие от молчания» в «Клубе убийц букв», апокалипсические видения, связанные со смертью Бога в «Бог умер». Зачастую новеллы Кржижановского строятся на использовании какого-либо конкретного мифологического мотива. Так, новелла «Тридцать сребреников» открывается цитатой из Евангелия от Матфея и служит реализацией данной сюжетной формулы. Общим при этом является то, что традиционные библейские мотивы и образы осмысляются не канонически.

В художественном мире Кржижановского обнаруживаются также аллюзии, отсылающие читателя к неевропейским мифологическим источникам: китайским мифам («Фу Ги»), к культуре Индии («Украденный колокол», «Соната “Death’s Door”») и к мифологии ислама («Две шелковинки», «Левое ухо»). Отдельное место в новеллистике Кржижановского занимают путевые заметки «Салыр-Гюль (узбекистанские импрессию)», возникшие во время путешествия писателя в сентябре 1932 года по Средней Азии. Это произведение представляет собой необычный взгляд на культуру и мифологию Востока, а также объясняет причины частого обращения писателя к сказкам «Тысяча и одной ночи».

⁸ Из воспоминаний Анны Бовшек известно о том, что Кржижановский, будучи лектором, создавал сложные логические построения, а потом неожиданно обрывал их, предоставляя слушателям делать собственные выводы. Эта тенденция непосредственно находит выражение в новеллах и повестях писателя. Автор часто заставляет читателя домысливать какой-либо незаконченный образ или суждение. Это осуществляется для того, чтобы реципиент мог создать собственное представление. Таким образом активизируется читательское восприятие, читатель привлекается к совместной работе в создании текстуальной реальности.

⁹ Так, в новелле «Четки» в художественной форме приводится апория Зенона «Ахиллес и Черепаха», отсылающая читателя к философии эллейской школы. При написании новеллы писатель ориентируется на образованного читателя, который без труда сумел бы узнать данную философскую сентенцию. Однако далее в тексте он дает разгадку этому, говоря: «Спите, элеаты» [Кржижановский, 2001, с. 171].

Специфической особенностью сознания Кржижановского является создание собственной индивидуальной мифологии. Этот процесс характеризуется не только интертекстуальным цитированием тех или иных мифологических источников и модернистской игрой с ними, но и более высокой степенью актуализации мифа. В этом случае происходит замещение понятий: мир становится тождественным мифу, а миф миру. При этом миф изменяет свою смысловую составляющую. В. Топоров отмечает, что в художественном мире Кржижановского миф не сводится только к вымыслу, «к чистой „*Dichtung*”, к „ненастоящему” и к „внеличному”, к „коллективно-сознательному”; здесь уместно понимать миф скорее как ту смыслостроительную конструкцию, которая вполне может быть осознана, понята и использована в контексте мифоритуального целого, где в архаичной триаде мысль-слово-дело как бы снимается противопоставление составляющих ее членов и которая приобретает статус некоей общезначимой парадигмы – как сознания, так и поведения» [Топоров, 1995, с. 476].

Необычной является и позиция автора к созданной им мифологической системе. Кржижановский является как объектом, так и субъектом иррационального «минус»-пространства, т.е. здесь есть все основания говорить об изоморфизме творца и творения, их неразрывной связи.

«Минус»-пространство Кржижановского (термин, введенный В. Топоровым) является выражением самого небытия, поглощающего и уничтожающего все живое в мире. Человек заведомо проигрывает «минус»-пространству. Он оказывается не в силах противостоять его разрушительному влиянию. Смерть персонажа в художественном мире писателя является лишь вопросом времени.

Особым образом мифологическая составляющая художественного мира писателя соотносится с окружающей его реальностью. В своих произведениях Кржижановский показывает переломные моменты в истории России: Октябрьскую и Февральскую революции, Гражданскую и две мировых войны. На этот исторический фон накладываются и противоречия, связанные с формированием нового Советского государства. Преломляя эти события через призму мифологического сознания, уже изначально несущего в себе трагическую доминанту, автор придает им особое экзистенциальное звучание. Кржижановский передает в нем не только ощущение духа времени, но и самосознание несчастного больного и одинокого человека, живущего в равнодушном к нему мире, который, в свою очередь, сам неуклонно движется к гибели. Персонажи писателя стремятся преодолеть эту губительную дурную бесконечность, но при этом еще больше вязнут в ней. Созерцаемые ими другие вселенные пугают их еще больше, чем привычный мир, в котором они не могут обрести гармонию.

В истории мировой литературы есть книги, показывающие бездны, открывающиеся взгляду человека: «Откровение Иоанна Богослова», «Божественная комедия» Данте Алигьери и другие. Кржижановский следует по пути этих авторов. Своим мысленным взором он достигает метафизических глубин, понимая,

что при их созерцании изменяется его сознание. То, что оказывается поднятым с этих глубин, пугает еще больше. Эти факты объясняют фантомную и щелинную эстетику Кржижановского. В качестве примеров можно привести сопровождавший писателя на протяжении всей жизни лейтмотив самоубийства с его настойчивым неологизмом «Зачем жить»; серых злыдней, подобно сологубовским недотыкамкам, прячущихся по углам; молчаливых «примыслов», возникающих в часы затянувшихся бессонниц и пугающих провалами пустых глазниц; и наконец, таинственных незнакомцев, разнящихся между собой, но все как один вызывающих ассоциации с врагом человечества. Здесь также включается и механизм фантазмогорической реальности, в которой привычный мир оказывается перевернутым, или, по определению самого автора, опрокинутым, деревья растут корнями вверх, звезды и облака топчутся ногами, в реках вместо воды течет кровь, а в борьбе жизни и смерти всегда побеждает смерть. Все это объясняется тем, что в художественном мире Кржижановского отсутствует место для Бога. А при его отсутствии все живое обречено на гибель. Лучшей иллюстрацией для этого является новелла «Бог умер», в которой изображается эсхатологический мир будущего¹⁰. Однако обозначенная тематика не исчерпывается упомянутым текстом. В качестве доказательства можно привести целый ряд произведений писателя от «Итанесиэс» и «Страны нетов» до «Автобиографии трупа», в которых представлены различные инварианты ситуации богооставленности и богоборчества. Эта особенность определяет характер и функционирование индивидуальной мифологии Кржижановского. Провозглашенная им смерть Бога объясняет причину возникновения «минус»-пространства с его страшной логикой несуществования. Этот очевидный тезис оказывается недостающим пазлом в логических построениях В. Топорова, посвященных творчеству «прозванного гения», намеренно или нет оставленным ученым для будущих исследователей.

Исходя из логики статьи, можно сделать следующие *выводы*. Мифологическое видение Кржижановского служит проявлением модернистского сознания писателя. В произведениях автор «Сказок для вундеркиндов» следует традициям Серебряного века. У своих литературных предшественников он заимствует идею мифотворчества [Ковтун, Проскурина, Васильев, 2013, с. 129–140]. Кржижановский воспринимает объективную реальность через призму мифа. Переосмысленные мифологические образы и сюжеты образуют его индивидуально-авторскую мифологию. Ее квинтэссенцией является смерть бога. Эта мифологема определяет характер функционирования всех элементов художественного мира писателя, а теория В.Н. Топорова о «минус»-пространстве Кржижановского получает новое осмысление.

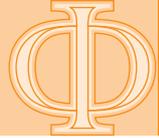
¹⁰ Эта тематика подробно освещается в статье [Мансков, 2021. С. 130–146].

Библиографический список

1. Воробьева Е.И. Сигизмунд Кржижановский в контексте русского символизма // Русская литература XX века: итоги столетия: матер. междунар. науч. конф. молодых ученых, 16–18 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 10–16.
2. Делекторская И.Б. Эстетические воззрения Сигизмунда Кржижановского: От шекспироведения к философии искусства: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 22 с.
3. Ковтун Н.В., Проскурина Е.Н., Васильев И.Е. Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (А. Богданов и А. Платонов) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 129–140.
4. Козубовская Г.П. Проблема мифологизма в русской поэзии конца XIX – начала XX веков. Самара; Барнаул, 1995. 158 с.
5. Кржижановский С. Соч.: в 6 т. СПб.: Symposium, 2001. Т. 1. 687 с.
6. Кржижановский С. Соч.: в 6 т. СПб.: Symposium, 2013. Т. 6. 688 с.
7. Ливская Е.В. Философско-эстетические искания в прозе С.Д. Кржижановского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 219 с.
8. Ливская Е.В. Эзотерическая составляющая ранней прозы С.Д. Кржижановского: текст как часть посвяtitельного ритуала [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezotericheskaya-sostavlyayuschaya-ranney-prozy-s-d-krzhizhanovskogo-tekst-kak-chast-posvyatitelnogo-rituala> (дата обращения: 11.07.21).
9. Мансков А.А. Пространство антиутопии в новелле С.Д. Кржижановского «Бог умер» // Утопический дискурс в русской культуре конца XIX–XXI века. Литература. Живопись. Кинематограф: монография. М.: Флинта, 2021. С. 130–146.
10. Моисеева Е.Е. Художественный мир прозы С.Д. Кржижановского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.
11. Перельмутер В.Г. Топоров В.Н. в диалоге с С.Д. Кржижановским [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/19/toporov19.shtml> (дата обращения: 11.07.2021).
12. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. СПб.: Азбука, 2017. 891 с.
13. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, 1995. 623 с.
14. Ingold F.P. Der Augenblick der Wortlosigkeit. Eine Meistererzählung von Sigismund Krzyzanowski [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nzz.ch/feuilleton/buecher/der-augenblick-der-wortlosigkeit-1.18696273> (дата обращения: 01.07.2021).

Сведения об авторе

Мансков Алексей Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков института массовых коммуникаций, филологии и политологии, Алтайский государственный университет (Барнаул); e-mail: a-manskov@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-15-3-86>

S.D. KRZYZHANOVSKY'S MYTHOLOGICAL VISION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN MODERNISM

A.A. Manskov (Barnaul, Russia)

Abstract

Chronologically, S.D. Krzyzhanovsky's work coincides with the time of the heyday of Russian modernism. The cultural and aesthetic heritage of the "Silver Age" had a significant influence on the formation of the writer's artistic views. Krzyzhanovsky is in many ways a follower of the traditions of the Symbolists poets. From them, he borrows the idea of myth making. In his works, the author of "Tales for Prodigies" reinterprets traditional mythological subjects and images. The Ancient Greek myths, the Bible, fairy tales of "A Thousand and One Night" and other literary sources can be identified as intertextual pretexts. By using them, he creates his own individual mythology. And for more than twenty years, the main scientific work related to the study of Krzyzhanovsky's prose is the work of V. Toporov "*Minus*"-*Space of Sigismund Krzyzhanovsky*. The Toporov's article explains the occurrence of the "minus"-space in the artistic world of the writer. This problem has always remained outside the scope of scientific research, both in Russian and foreign literature. Addressing this problem is explained by the need to reach a new conceptual level of research, implying the presence of other scientific perspectives and directions.

Keywords: *modernism, the "Silver Age", myth, mythology, feature, person, character, death, God, "minus"-space.*

References

1. Delektorskaja I.B. Jesteticheskie vozzrenija Sigizmunda Krzhizhanovskogo: Ot shekspirovedenija k filosofii iskusstva [Sigismund Krzyzhanowski's Aesthetic Views: From Shakespeare to the Philosophy of Art]: Abstract of Cand. of Philol. diss. M., 2000. 22 s.
2. Ingold F.P. Der Augenblick der Wortlosigkeit. Eine Meistererzählung von Sigismund Krzyzanowski. URL: <https://www.nzz.ch/feuilleton/buecher/der-augenblick-der-wortlosigkeit-1.18696273>(data obrashheniya: 01.07.2021).
4. Kovtun N.V., Proskurina E.N., Vasil'ev I.E. Proekt pereustrojstva mira i russkaj aprozanachala XX veka (A. Bogdanovi A. Platonov) [The World Reorganization Project and Russian Prose of the Early 20th Century, *In Sibirskij filologičeskij žurnal*]. 2013. № 2. S. 129–140.
4. Kozubovskaja G.P. Problema mifologizma v russkoj poezii konca XIX – nachala XX vekov [The problem of mythology in Russian poetry of the late 19th and early 20th centuries]. Samara; Barnaul, 1995. 158 s.
5. Krzhizhanovskij S.D. Sobranie sočinenij: v 6 t. [Collected edition in 6 vols. Vol. 1]. SPb.: Symposium. 2001. T. 1. 687 s.
6. Krzhizhanovskij S.D. Sobranie sočinenij: v 6 t. [Collected edition in 6 vols. Vol. 6]. SPb.: Symposium. 2013. T. 6. 688 s.
7. Livskaja E.V. Filosofsko-jesteticheskie iskanija v proze S.D. Krzhizhanovskogo [Philosophical and aesthetic searches in the prose of S.D. Krzhizhanovsky]: Abstract of Cand. of Philol. diss. M., 2009. 219 s.
8. Livskaja E.V. Jezoteričeskaja sostavljajushhaja rannej prozy S.D. Krzhizhanovskogo: tekst kak chast' posvjatitel'nogo rituala [The esoteric component of S. D. Krzhizhanovsky's early prose: the text as part of the initiatory ritual]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezoteričeskaja-sos->

- tavlyayuschaya-ranney-prozy-s-d-krzhizhanovskogo-tekst-kak-chast-posvyatitelnogo-rituala (data obrashheniya: 11.07.2021).
9. Manskov A.A., Prostranstvo antiutopii v novelle S.D. Krzhizhanovskogo “Bog umer” [The space of dystopia in S. D. Krzhizhanovsky’s novel “The God is Dead”, *In Utopicheskij diskurs v russkoj kul’ture konca XIX – XXI veka. Literatura. Zhivopis’. Kinematograf. Monografija*]. M.: Flinta. 2021. S. 130–146.
 10. Moiseeva E.E. Hudozhestvennyj mir prozy S.D. Krzhizhanovskogo [The artistic world of Krzyzhanowski’s prose]. Abstract of Cand. of Philol. diss. Ekaterinburg, 2002. 23 s.
 11. Perel’muter V.G. Toporov V.N. v dialoge s S.D. Krzhizhanovskim [Toporov V.N. in a dialogue with S. D. Krzhizhanovsky], URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/19/toporov19.shtml> (data obrashheniya: 11.07.21).
 12. Rudnev V.P. Jenciklopedicheskij slovar’ kul’туры XX veka [Encyclopedic Dictionary of Culture of the 20th Century]. SPb.: Azbuka. 2017. 891 s.
 13. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblastimifopojeticheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic]. M.: Progress. 1995. 623 s.
 14. Vorob’eva E.I., Sigizmund Krzhizhanovskij v kontekste russkogo simvolizma [Sigismund Krzyzhanovsky in the context of Russian symbolism, *In Russkaja literatura XX veka: itogistoletija: Materialy mezhdunar. nauch. konf. molody huchenyh Russian literature of the 20th century: century results: Materials of the International Scientific Conference of Young Scientists*]. SPb., 2001. S. 10–16.

About the author

Manskov Aleksey Anatolievich – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Foreign Languages, Institute of Mass Communications, Philology and Political Science, Altai State University (Barnaul); e-mail: a-manskov@yandex.ru